

Трудно быть богом»

28.02.2014Экранизация книги Стругацких, которую ждали 15 лет, смущает и пугает даже готовых ко всему зрителей

Наконец случилось то, что долго одновременно было желанным и пугающим: на экраны вышел фильм «Трудно быть богом». Последняя предсмертная работа Алексея Германа, снятая по культовой книжке братьев Стругацких, которую принято считать пророческой и емко объясняющей устройство общества и государства. Это кино снималось весь известный нам XXI век, много лет таилось где-то, как спящий вулкан или бог, от которого давно не было вестей. И вот явилось — сразу в мировую культуру: чуть ли не первая рецензия на «Трудно быть богом» написана итальянской интеллектуальной иконой Умберто Эко. «Добро пожаловать в ад», — пишет господин Эко (в смятении).

Справка: «Трудно быть богом» (Россия, 2013) — экранизация повести братьев Стругацких. Исследователь с Земли на много лет внедряется в грязную и жестокую жизнь на планете, находящейся на уровне развития нашего Средневековья. Реж. — Алексей Герман («Проверка на дорогах», «Мой друг Иван Лапшин», «Хрусталёв, машину!»). В ролях — Леонид Ярмольник, Юрий Цурило. 177 мин. 18+

Королевство Арканар на похожей на Землю планете находится на уровне развития нашего Средневековья: рыцари, кони, пытки и прочая игра престолов. Изучающие Арканар ученые Земли предполагают: скоро там должно начаться Возрождение. Присматривать за грядущим расцветом наук и искусств отправляют нескольких исследователей, которые маскируются под арканарскую аристократию.

И вот главный герой — землянин из будущего, в это мрачное прошлое засланный под именем дона Руматы, — просыпается в своем замке от галдежа закованных в колодки рабов на кухне, среди немыслимой грязи и обглоданных костей.

Он здесь уже 20 лет, ничего похожего на Возрождение так и не началось; книжников и умников топят в выгребных ямах. Бесконечно идет дождь, от которого мир обтекает, как лицо человека, облитого кислотой (а обитатели Арканара в основном и выглядят как пережившие такой инцидент). Румата очень устал, он еле ходит, преодолевая сопротивление сверхперенаселенного германовского мира, который от тесноты коммуналки перешел уже к гротескной вязкости ночного кошмара. Герой бродит по колено в грязи и дерьме, еле волочет свое бремя земного человека (которое персонажи Стругацких носили хоть и с грустью, но с красивой осанкой). Как и окружающие его беззубые арканарцы, он уже не столько говорит, сколько отмычивается, мотая башкой, как оглушенный боров. И, хоть и историк, не очень-то понимает, что за исторические процессы зреют в этой гнилой куче.

Эта трехчасовая черно-белая лента была в производстве почти полтора десятка лет, а как задумка экранизация Германом Стругацких вообще висела в воздухе с 1968 года.

Тот несостоявшийся фильм, по свидетельству вдовы и сценариста Алексея Германа Светланы Кармалиты, — нормальная фантастика со звездолетами. Наверное, многие поклонники Стругацких до сих пор предпочли бы именно такую экранизацию. Но едва ли кто-то рассчитывал найти ее в фильме, который теперь выходит в прокат. Все хотя бы более-менее интересующиеся давно усвоили, что фильм будет страшно натуралистичным.

Однако его безумие и валяющиеся три часа из экрана человеческие и конские гениталии, горы фекалий, потрохов, трупов и черной слизи превосходят ожидание.

С книги Стругацких, как кожа, в фильме целиком содрано ее привлекательное лицо (доходчиво поданная мораль или идеалистические допущения типа светлого будущего, из которого родом Румата). Перед нами дышащее ободранное мясо, не поддающееся опознанию. В том смысле, что зритель, не читавший Стругацких, мало что поймет. Это, кстати, совершенно нормальный зритель, а не то, что вы про него подумали: Стругацкие, нравится это лично вам или нет, в пантеон мировой (а не только русской) культуры не входят.

«Трудно быть богом» продолжает радикальное уничтожение привычного языка, которое в «Хрусталеv, машину!» уже и так было доведено до ошарашивающего эффекта.

Речь персонажей здесь еще более многоголосна, одновременна, освобождена от контекста и условностей. Одна реплика из десяти понятна. Еще пара-тройка капает прямо в подсознание. Остальные реплики стекают в никуда, так и оставшись нерасслышанными. Ну и ладно — сотворенный мир тем и отличается от декорации, что продолжается за ее пределами. И дерево в нем падает в лесу, даже если этого никто не видит и не слышит. Точно так же где-то за кадром «Трудно быть богом» живет его сюжет, вытесненный копошением человеческой массы.

Мир «Трудно быть богом» словно оставлен без присмотра, освобожден уже от всех обычных условностей художественного произведения, — а когда мир покинул его собственно творец, явно не время рассуждать о боге. Можно вытащить из этого гигантского живописного полотна самые разные интерпретации. И с каждой из них окажешься немножко тем самым ученым, который усмотрел в арканарской архитектуре признаки Возрождения — и вот уже 20 лет ждет его по горло в дерьме и крови. Но, с другой стороны, если не искать эти признаки и не ждать, то остается только быть одним из босховских чудовищ, населяющих лабиринты фильма.

Кроме чисто физиологического ужаса, фильм царапает исподтишка, и во всей миссии Руматы чудится какой-то дикий подвох, недосказанность, мало соотносящаяся с фанатичной тщательностью, с которой сделан этот — огромный и сложный — фильм.

В кадре мелькает что-то смахивающее на ренессансные фрески — может быть, то, что прилетели искать земные историки, уже не впереди, а позади? Что у них там за религия, в которой есть и черный монашеский орден, и языческий божок, от которого якобы ведет род дон Руматы? И жуткий местный ребенок кричит Румате, что «в Москве его ждет психушка». И вообще кошмар этого арканарского средневековья уж слишком сконцентрирован — как в показаниях сумасшедшего, а афоризмы из культовой повести («Сердце мое полно жалости») непременно утоплены в сортире: скажем, обрываются перебранкой оттого, что один собеседник обрызгал другому мочой сапоги.

Лично для меня «Трудно быть богом» укладывается в логику всей фильмографии Германа — но не кажется ее пиком. Вышедший 16 лет назад «Хрусталеv, машину!» так и остается мало с чем сравнимым переживанием прикосновения к истории искусства в революционной точке: вот новый, абсолютно ни на что не похожий киноязык. Этот язык, конечно, был и в предыдущих фильмах Германа, но в «Хрусталеvе» он сложился окончательно; и в «Хрусталеvе», при всей непривычности и революционности этого языка, сказанное еще и вдруг оказывалось понятным — и трогало. После этого «Трудно быть богом» кажется не еще одной ступенью вверх, а, скорее, последствием, выдохом после вершины.

Впрочем, то, что объединяет его зрителей, как восторженных, так и возмущенных, и неопределившихся (как я), — то, что они получили опыт, который ставит под сомнение вообще все критерии, по которым принято оценивать кино. А получать такой опыт трудно, нечасто дается шанс, но, как и любое сомнение в общепринятом, — очень полезно.

Елена Полякова

Кадры из фильма — kinopoisk.ru